

Анатолий Субботин

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

ВЕНЕЦИЯ

Анатолий Субботин

Венеция

«ЛитРес: Самиздат»

1994

Субботин А.

Венеция / А. Субботин — «ЛитРес: Самиздат», 1994

Русский турист, главный персонаж повести Петр Бутафорин, волею судеб ставший Пьеро, попадает в компанию замаскированных итальянцев и переживает ряд чудесных приключений. Всё это похоже на сон. Всё это и есть сон, как выясняется в конце. Бутафорин – чужой на этом празднике жизни. Хотя Моника дарит ему свою любовь, он не вписывается в иностранную компанию, и Джузеппе-Арлекин убивает его. Убивает причудливо, как и должно быть во сне. На обложке - картина Кеса ван Донгена "Набережная" 1921 г. Содержит нецензурную брань.

© Субботин А., 1994

© ЛитРес: Самиздат, 1994

*Светлой памяти Натальи Казначеевой,
инсценировавшей и поставившей эту вещь*

1

Первым чувством Петра Бутафорина, когда он проснулся, было удивление, смешанное с испугом. Где я? Он лежал на двuspальной кровати с балдахином... Да нет! Вы не поняли. Балдахин – это не мужчина и не национальность. Это занавес, за которым кровать скрывается. Зачем скрывается? Ну вот вы же прячете под одежду свои интимные места. А что такое кровать, как не интимнейшая часть комнаты?!

Стены, хотя не столь стыдливы, но тоже были прикрыты. Гобеленами. Потолок украшала цветная мозаика. Что за черт! И только остановив взгляд на люстре венецианского стекла, Бутафорин вспомнил: он в Венеции. Прилетел вчера на лайнере и совершил посадку (он сел и несколько раз попробовал задницей матрас) весьма мягкую в отеле “Сибарит”. Сбылась мечта литератора! Признание, цветы, улыбки. Обещали много публикаций и гонораров. А пока – бесплатная путевка в лучший город Средиземноморья.

И новоявленный классик, облачась в турецкий халат, пожелали принять душ. Однако такового не нашлось. Унитаз был, а вот ванной или хотя бы простого рукомойника – ни намека! Странный номер! – подумал Бутафорин. Надо спросить у прислуги. Возле универсального столика, за которым можно было есть лангустов, пить горечь измены, писать челобитную Папе Римскому или “Доктора Фауста”, выписывать кренделя, играть в русскую рулетку или с огнем, спать, уронив голову, или с женщиной негроидной расы, говорить по УШАМ и на санскрите, – возле столика, говорю, из стены торчал шнурок в виде русой косы с голубым бантом на конце. А под косою – надпись на французском: Дерни, деточка, за веревочку, дверь и откроется! Бутафорин французского не знал, но за веревочку на всякий случай дернул. Дверь открылась и вошла горничная.

– Мне бы умыться, – сказала литературное светило, и, вспомнив, что горничная не русская, поводило у лица ладонями.

– Сию минуту, господин, – ответила прислуга на хорошем русском, и протянув руку в коридор, щелкнула пальцами. Вошел рослый турок, отворил окно, снял с Бутафорина халат, и пока тот машинально пытался скрыть от дамы характерные особенности адамова костюма, сгреб его, Бутафорина, в охапку и выбросил на улицу.

Не х... себе! – чуть не вырвалось у Петра Петровича, да помешала вода, под которой он очутился. Он вынырнул. Разгневанно, растерянно, тяжело дыша. Что это? Нападение или шутка, сон или явь? Однако купанье освежило. А открытие того, что он не одинок (из многих окон отеля и соседних зданий вылетали такие же адамы и евы), успокоило Бутафорина. Значит здесь так принято. Их нравы. Впрочем, действительно, зачем водопровод, когда вода под боком каждого дома? Чистая, прохладная, зелененькая! Леню спускаться самому – спусти с балкона ведро на веревке. И опять же экономия: соли не надо! Рациональные люди, эти потомки Понтия Пилата. Что и говорить, умеют умываться!

Их гость разводил перед собой руками, разгребал воду. Ее хватало. Венецианский залив слегка волновался. Всякий раз, оказавшись на гребне очередной волны, Петр Петрович видел купола собора Святого Петра, сияющие в брызгах солнца. Ему припомнилось:

Соборы средь морских безлюдий
в течение музыкальных фраз
вздываются, как женщин груди,
когда волнует их экстаз.

Без сомненья автор этих строк Теофиль Готье тоже здесь умывался. Не на этом ли самом месте? Больше века назад.

Улочка впадала в Адриатическое море. В трехстах метрах от отеля подстерегал простор. Корабли там блуждали. Вдруг один из них – трехмачтовая каравелла – втиснулся в улочку. Большой, обросший. Жерла пушек, которыми оцетинились борта, едва не касались зданий. И – вот те на! – “Веселый Роджер” страшно улыбнулся Бутафорину с развернутого ветром флага. И недобрые лица с кинжалами и пистолетами в зубах – для полноты картины.

Начинается! – подумал Петр Петрович. Похоже, здесь каждый день маскарад. Вместе с другими, совершавшими водные процедуры и вспыхнувшими восторгом любопытства, он поплыл навстречу старинному чуду. Поплавки голов и пираты приветствовали друг друга. Первые – смехом и криками “ура”. Вторые – пальбой из пистолетов. Хорошая мишень – голова, качающаяся на волнах! Сразу ясно, попал или нет. Матросы как будто иногда попадали. Мишени исчезали под водой. Вот ведь подыгрывают! – добродушно усмехнулся Бутафорин. Но улыбка не задержалась на его губах, поскольку на месте близ нырнувшей головы появилось красное пятно. Кровь! Нет, не может быть! Нет, тут что-то нечисто! На всякий случай от корабля подальше. И он устремился обратно, стараясь лишний раз не высовываться. Пуля просвистела ему на ухо о том, что он поступил правильно.

Тем временем каравелла подошла к отелю. Увидев громадную вывеску “Сибарит”, пираты взорвались от негодования. “Уюта нет, покоя нет!” С этим принципиальным кличем они дали залп из всех пушек обращенного к зданию борта. Клич – на английском, залп – почти в упор. Как с перебитыми ногами, дрогнул многоэтажный отель и рухнул многоэтажный отель, погребая под собой агрессора.

2

К опущенному в воду Бутафорину подплыла красивая брюнетка.

– Солоно! – сказала она. – Не плачьте, лучше плюньте.

– Мне негде жить, – сказал поэт и по совместительству прозаец. – Мне нечего есть. Мне не во что нарядиться, и главное: у меня нет бумаги и шариковой ручки. И даже вил у меня нет, чтобы писать на воде.

– Вилами пишет только Нептун. А жить ты можешь пока у меня. Поплыли. Моя квартира неподалеку. Но прежде надень вот это. А то задохнешься с непривычки.

Девушка подала ему маску и помогла надеть акваланг. Ну вот, теперь и я в маске, подумал Бутафорин. Карнавал продолжается. И он уже почти не удивился, когда, нырнув, заметил, что у красотки не ноги, а рыбий хвост.

В светлой изумрудной влаге. Двое. Он и она. Плывут, мило беседуя. На языке глухонемых. В силу, так сказать, объективных причин. Как капитан Немо. Тишина. Тишине не передать всей прелести минуты. Включаю музыку. Что-нибудь светло-печальное. Анданте. Он и она. На нем – только маска и акваланг. На ней – ничего, кроме хвоста. Как она так может? Как она может дышать, то есть не дышать? Как ты подолгу обходишься?

Я привыкла, освоилась, адаптировалась. Одним словом, эволюция. Раньше я была обычной девочкой. Потом нашу квартиру (кстати, мы приплыли) затопило. Это первый этаж. А вообще-то уровень воды достиг уже третьего. Другого жилья не нашлось. Пришлось остаться здесь, пришлось осваиваться. Теперь нескольких глотков воздуха мне хватает на сутки. Я молодая, сильная. А вот родители не смогли, они захлебнулись. Проходи, точнее заплывай. Будь как дома. Как меня зовут? Теперь уже Наяда. А тебя? Петр? Значит Пьеро. Сейчас, Пьеро, мы будем обедать.

Бутафорин сидел на резиновом надувном диване и пускал пузыри, то есть дышал. Наяда гонялась по всей АКВАртире за стайкой рыб. Наконец, ей удалось поймать одну из них с помо-

щью сачка. В ее руке блеснул клинок нержавеющей стали. Она ловко выпустила рыбе кишки, отрезала голову и соскоблила серебро чешуи.

– Извини, что не горячая, – сказала она. – Огонь здесь не приживается. Зато самая свежая.

Они ели, сидя рядом и нагишом, как любовники. Девушка пристально глядела в одну точку на теле поэта. Заволновалась точка и стала расти.

Не надо жалеть об одежде. Так тебе больше идет. Да и отсырела бы здесь одежда!

У нее маленькая упругая грудь. Интересно, вместится ли она в моей ладони?

Она взяла его за руку, если не сказать больше. Он хотел поцеловать ее, да рот был занят шлангом акваланга. Он хотел снять с нее хвост, да тот не давался.

– Он настоящий! – сказала она. – Я же сказала, что адаптировалась.

Как я люблю ее, думал он. Но как же я буду любить ее, если у нее не раздвигаются ноги!?! И потом, я совершенно не в силах питаться сырой рыбой.

Ну же, давай, обними меня! – привлекала его к себе русалка. Все-таки она была привлекательной. Совсем девочка. Он обнял. Она стала таять. Не фигурально, не в смысле – испытывать наслаждение. Хотя и это, возможно, имело место. А буквально. В его руках. Прямо на глазах. Она была холодна, как нож, как рыба в нейтральных водах, как лунный пейзаж. Она таяла подобно снегам Килиманджаро, слезе крокодила, семейному бюджету, жизни, наконец. Бутафорин в ужасе отдернул руки. Но было поздно. От нее остались лишь прекрасный парик волос да пресловутый хвост. Скорей, скорей на поверхность! Все равно чего: моря ли, кошмара или этого мира.

3

Проходил вдоль канала продавец надувных шариков. Покупайте замки! – кричал. – Покупайте воздушные замки! – Ему навстречу шагнул из воды голый гражданин с аквалангом за спиной.

– А эти замки для жилья пригодны? – смущенно спросил он. – Я тут как раз остался совершенно без крыши.

– Да, разумеется, – ответил торговец, – для чего же они еще? Правда, не все в них жить могут. Они по плечу только тонким натурам.

– О, тогда я подойду! За удобу друзья прозвали меня Дон-Кихотом... Дайте мне, пожалуйста (глаза заблудились в надувном многоцветье), дайте мне вон тот белый. Сколько он стоит? Впрочем, нет! Оказывается, в кармане у меня – ни сольдо. Не говоря уже о лире... Лира есть, но не та, не ваша. Да и не в кармане. Да и не отдам я никому свою лиру.

– Наша, наша! – улыбнулся негоциант. – Воздушный замок стоит один акваланг и одну подводную маску.

Неужели!? – обрадовался Бутафорин. Вот повезло-то!

И они обменялись товарами.

– А знаете, – сказал на прощанье владелец шаров, – вы мне понравились. Забирайте всю партию. Про запас. Жизнь длинная. Чтобы у вас всегда была крыша над головой.

Бутафорин взял огромный надувной букет и взлетел на седьмое небо. Жильем он теперь обеспечен! Да еще каким! Маркиз! Осталось завести хозяйку и одежду! Ну, с хозяйкой проблем не будет: любая теперь сочтет за честь. А спрашивается: зачем одежда, если завелась хозяйка?!

Венеция. Море в граните и гипсе. Архитектура. Барокко. Мосты и мосточки. Каналы и гондолы. Голуби и чайки. Без 20-минут закат. Бриз теплый и влажный. Запах водорослей. Запах острых приправ из ближайшей харчевни. Праздная публика лениво прогуливается. Площадь Дружбы. Голый и голодный Петр Петрович на нее вышел.

Он только что съел пирожок, выменянный им у мальчишки за три воздушных замка. Но не насытился он. И взгляд его был печален. Но, как говорится, глаза грустят, а руки делают. Одна рука Петра Петровича сжимала остаток замков, а другая – нечто менее воздушное, однако не менее существенное для человека. Не воздухом единым!

– Смотрите, какой оригинальный костюм! – воскликнул женский голос. И к Бутафорину подошла компания ряженных молодых людей. – Какой оригинальный образ! – сказала девушка, одетая одалиской.

– Не нахожу ничего оригинального! – заметил парень в костюме центуриона. – Голый мужик с шариками и всё тут!

– В том-то и шарм, что с шариками. Это как раз все и решает. Это как шкиперка. Вроде и нет бороды, и тем не менее она есть. Это напоминает мне дикого воина с развевающимися павлиньими перьями над головой. Это костюм, но костюм слегка отстраненный.

Пока одалиска проявляла себя как модистка, откуда ни возьмись, налетели безумные осы. У них было свое мнение насчет воздушных шаров. Они приняли шары за цветы, а себя они давно воображали пчелами. С целью опылять, опылять и еще раз опылять рой тигровых пуль врезался в букет. Мини-взрыв. Нет, два мини-взрыва. Один – надувного жилища. Другой – хохота компании. – Ну, что ты теперь скажешь о его костюме, Моника? – Действительно, теперь его платье – банальнее не бывает... Хотя постойте, постойте-ка...

Бутафорин от неожиданности и огорчения поник руками. Какая наглость со стороны иностранных ос! Правая рука Петра Петровича опустилась с нитками, уже не связывающими его с мечтой о доме. А левая – всего на мгновение, в общем, так сказать, порыве забыв о своей роли фигового листа. Но спохватилась левая и быстро вернулась в прежнее положение. Однако и мига было достаточно, чтобы у наблюдательной Моника появился интерес к имени незнакомца.

– Как тебя зовут, дикий воин? Давай знакомиться. Давай дружить. Примыкай к нашей когорте. Но к нам идут с открытым – чуть не сказала – сердцем. А ты как будто немного зажат. Откройся. Не бойся. Покажи, что у тебя в руке.

– Пьеро! – на итальянский манер представился Петр Петрович, вспомнив, как его называла русалка.

– Перо! – засмеялась Моника. – Вы слышали? У него там перо! И что же ты им написал?

Откуда она знает, что я писатель!? – подумал Бутафорин, плохо успевавший за быстрым итальянским.

– Да не перо, а Пьеро! – подскочив, радостно хлопнул его по плечу некто, одетый арлекином. – Тебя-то, дружище, нам и не хватало. Но где же твой знаменитый комбинезон? Не притворяйся, что не понимаешь! Признайся, хотел улизнуть от нас, своих друзей, уединиться ради глупых стихов. Думал: переоденусь, точнее, разденусь, и никто меня не узнает. Шалишь, брат! Я тебя сразу узнал. Я тебя за версту в кромешной тьме почую. Ты пахнешь заунывными песнями. Твоя улыбка натянута и неестественна. Брось. Она не способна скрыть твое настоящее лицо. Прекрати, говорю, улыбаться! Сейчас я сорву с тебя маску, сейчас я тебя разоблачу, то есть облачу.

Арлекин помогал бегу своей речи жестикуляцией. Ну и темперамент у этих итальяшек! И куда, мать его, несется! При слове “облачу” в руке арлекина очутился белый комбинезон с кружевным вкруговую воротничком. Носи и помни. Что бы ты делал без такого друга, как я? Бутафорин примерил. Рукава болтались до колен. Идиотский костюм. Да что поделаешь? Все лучше, чем нагишом. Рука его держать устала.

Арлекина звали то ли Джузеппе, то ли Шимпанзе. Чтобы попасть в точку и не обидеть героя, придется использовать оба имени. Но ты, читатель, учти: Джузеппе и Шимпанзе – это один человек. Шимпанзе сказал: – Теперь порядок. Теперь я спокоен. Теперь ты – Пьеро и

ты под рукой. Джузеппе хлопнул Петра Петровича по плечу. Шимпанзе ущипнул Бутафорина за ягодицу.

– Нашей когорты прибыло! – сказал центурион. – Пойдем дальше. Возьмем приступом “Раковину”. Разрушим дюжину фалернского. До фейерверка еще целых два часа.

Компания отправилась. Везде смеркалось. Впрочем, не то слово. Ночь упала, как черный театральный занавес. Впрочем, не черный. Пули огней изрешетили его. Звезды, фонари, реклама. Сверху, со всех сторон, отраженьями в воде – под ногами. Терлась на ходу о Бутафорина Моника. Говорила томным вполголосом: – Зови меня просто Моня. Хорошая бумага есть у Мони для твоего пера. Ты зальешь ее чернилами? – Неужели писчая?! – радовался Петр Петрович. – Неужели первый сорт!

4

Трактир назывался “Раковина”. Видимо, ход мысли у хозяина трактира был такой: всякий человек вне данного заведения представляет собой нечто скользкое, студенистое, беспомощное. И только войдя в эти стены, он обретает форму, крепнет, чувствует себя как дома. Уже не лягушка, но рыцарь. Рыцарь на отдыхе. Добро пожаловать домой, в доспехи! Добро пожаловать в раковину!

Что ж, достаточно оригинальная трактовка сущности трактира, и отчасти верная. Однако вино действует на людей по-разному. И верней было бы назвать питейное заведение более общим словом – “Метаморфоза”. Не совсем понятно почему? Сейчас объясню. Во-первых, в предложенном мною названии есть звук М. Встречающийся дважды и как бы выпирающий из слова он прозрачно намекает, о каком превращении идет речь. Во-вторых... Простите. Потом. У меня меню. Надо делать заказ. Меню у меня.

Конечно, фирменное блюдо – устрицы с лимонным соком. Дальше – сладкий перец, фаршированный овощами. Затем – морской окунь. Наконец, ростбиф с кровью, окруженный строганным хреном. Чем будем запивать? Тут мнения не совпали. У меня мнение. Свое мнение у меня. Шимпанзе настаивал на шампанском. Центурион ратовал за фалернское. Чего-нибудь покрепче был не прочь Петр Петрович. Заказали хорошее и разное. Но даже если бы пили что-то одно, скажем, сакэ, этого нельзя было бы определить по дальнейшему поведению участников. Настолько оно, это поведение, различается. Одни от выпитого крепнут на радость владельца “Раковины”, становятся твердыми как доска. Другие, напротив, делаются мягкими подобно стельке. Третьи...

Сосед Бутафорина по столу, судя по одежке – шут, сказал: – Вообще-то мне пить нельзя: я пью мертвецки. Сказал и осушил бокал. И звякнув растущими на голове бубенцами, свалился со стула замертво. Хорошо, что не с коня! Представить страшно – если бы с коня. Ну вставай, хватит дурачиться, нас не проведешь. Мы видим, что конем тут и не пахнет. Перестаньте, господа, – заметил доктор, – шут не шутит, у него нет пульса. Уж не хотите ли вы сказать, что он мертв? Я не знаю, какой он, только сердце у него не бьется.

Компания смущенно опустила глаза. Каждый – в свою тарелку. Словно неприличных звук кто-то издал. Моника так и сказала:

– Этот шут всегда выкидывает что-нибудь неприличное.

– Успокойся. Это его последняя шутка, – заметил Джузеппе. – И держу пари, самая удачная.

– Мы несем потери, – сказал центурион.

Тем временем официанты со знанием дела приступили к соборованию тела. Они завернули его в скатерть и привязали к ногам ведро.

Друзья, родственники, музыканты и посторонние лица, помянем покойного добрым словом, помолчим минуту. О мертвом либо хорошее, либо ничего.

Присутствующие в зале немного помолчали. Затем выпили и закусили. Центурион и арлекин подхватили экс-друга и, выйдя из зала торжественным шагом, бросили в канал. Вода ему пухом! Тело беспомощно валялось на поверхности. Даже ко дну оно не могло идти и требовало буксир. Последняя воля. Ведро, набрав в рот воды, стало набирать и скорость. Бело-снежный кокон, размываемый зеленым фоном. Аист, исчезающий в небе. Не на шутку прощай!

Друзья вернулись. В харчевне по инерции стояла тишина. Ни чавка, ни хрюка. Вдруг разрыдался кто-то громко. Что с тобой, Моника?

– А поцеловать... – выдавила та.

– Что поцеловать?

– Поцеловать забыли.

– Стыдитесь, милая! Ваша сексуальность становится неприличной. Вас возбуждают даже мертвые.

Но быстро успокоилась Моника. Шимпанзе, сидя рядом, гладил ее по ляжке левой рукой, а правой закусывал. То же делала и сама одалиска, только ее рука гладила сидящего слева Бутафорина.

Петр Петрович, увлеченный морским окунем, поначалу реагировал плохо. Голод не девка, в смысле сильнее девки. Однако голод был одинок, а на стороне одалиски, кроме окуня, были 150 грамм ямайского рома. И разомлел российский литератор. Да что там! Голова пошла винтом у Бутафорина. Тем более что застенчивые девичьи пальцы уже всю шныряли по его эрогенной зоне.

Какой милый город, какой славный народ – эти венецианцы! Приняли меня как родного. Такое ощущение, будто я давно их всех знаю. Или по крайней мере уже бывал здесь когда-то. Вот проходит мимо добрый улыбающийся официант. Вот за соседним столиком весело беседует компания, слегка перекрикивая музыку. Вот смешной сигаретный дым кувырывается возле люстры. А Моника. О! Что она делает? Что ты делаешь? Скажи, откуда ты пришла? То есть это я пришел, а ты тут и была. Желтые лиф и шальвары, рубиновые губы и ожерелье, черные волосы. Прекрасное сочетание цветов. Надо написать роман под названием “Красное, черное и желтое”. Как российский флаг – трехцветная. О! Сейчас я... Сожми его сильнее. Но мешали брюки. Петр Петрович попытался расстегнуть ширинку (шашки наголо!), но таковой не оказалось. Проклятый комбинезон! Отчего я не пью? Нет, я пью. Ваше здоровье. Будем знакомы. Вашебудем. Она ласкала его. Но хотела ли она его? Спокойствие Моника смущало Бутафорина. Вести застольный разговор и закусывать. Как ни в чем не бывало. словно эта рука принадлежала не ей. Петр Петрович пробежался по руке взглядом – от кисти до плеча. Ведет к ней, к ее шее и голове. Никаких сомнений. Нет, я не прошу прямо тут отдаться. Понимаю: не место. Хотя самое время. Но где томные поглядывания, где улыбки, сопровождающие рукоприкладство? К чему вдруг такая конспирация? Инкогнито проклятое. Прихоть романтической натуры? О, женщины! Ты играй, играй, да не заигрывай. Все-таки что же? Страшное самообладание или полное равнодушие? Сейчас проверим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.